

Любите ли вы Брамса?

Встреча с композитором Вячеславом Артемовым

В самом начале года «Московские новости» сообщали, что летом в путь по Волге отправится «Реквием» Вячеслава Артемова. Но пока это необычное путешествие готовится, сам композитор успел съездить в Голландию, где прошел десятидневный фестиваль его камерной музыки. Предшествовал Артемову фестиваль Брамса, а сменил его музыкальный праздник Шуберта.

— Вы оказались в такой компании, что для вопроса впору заимствовать у Франсуазы Саган название ее некогда программно романа: «*Aimez-vous Brahms?*» — «Любите ли вы Брамса?»

— Брамса, Шуберта, как и других романтиков — Шумана, Дворжака, я считаю лучшими людьми, когда-либо посещавшими эту землю. Сейчас я их заново открываю. Себя я считаю по духу романтиком и периодически к этой музыке возвращаюсь. На фестивале в Голландии, проведенном Фондом Вольте, исполнялись мои ранние вещи; некоторые в концерте я сам услышал впервые — в пору их создания эти произведения не играли, я был непризнанным композитором.

— Как проходил ваш фестиваль?

— Он был прекрасно организован, выступали молодые, очень одаренные музыканты. Если сравнивать исполнителей здесь и за границей, результат будет, увы, не в нашу пользу. В свое время меня поразило отношение к музыке Вашингтонского симфонического оркестра, но еще больше — Лондонского. Придя на первую репетицию, я увидел, что у них уже все готово, я не мог придираться ни к интонации, ни к пониманию нотного текста. У нас же очень много разговоров, но мало дела — точный слепок нашего государства.

Евгений Кондаков

Вячеслав Артемов

— Мои концерты в Амстердаме обычно предварялись беседами о положении композитора в России, о направлениях в российской музыке. Я делал упор на философию музыки. Может, это громко звучит, но для меня она исключительно важна.

— В чем она заключается?

— В том, что сама музыка является философией. Слово, как правило, лживо, это мы все знаем, а звук никогда не обманывает: это самый искренний и точный инструмент познания и общения. Поэтому музыка — наиболее адекватное выражение душевной жизни, посредник между миром и Богом, сгусток духовной эне-

гии, призванной пробудить нравственное сознание и очистить душу. Музыка не развлечение, как многие привыкли думать, которое можно купить, и получить удовольствие. Я называю ее космологией души. Все это я излагал участникам фестиваля и, насколько могу судить, встречал понимание. К тому же все это проходило в здании монастыря, что располагало к возвышенным мыслям.

— Голландцев не смущают концерты в монастыре? Каковы они в обывденной жизни?

— Я побывал в этой стране впервые, и мне показалось, что люди там не агрессивны, достаточно практичны, просты в обращении, непритязательны в еде и одежде, протестантский дух в них довольно силен. Я не имею в виду религию, религиозность в XX веке в Европе угасает, многие церкви закрылись. В Голландии долго думали, как обратить во благо их акустические и архитектурные достоинства, и постарались наладить в церквях концертную деятельность. То есть таких проблем, как — отдайте нам наше церковное имущество — у них нет. Проблема: кому его отдать. Собственность — это же забота, ответственность, служение.

В отношении к собственности мы пребываем на первобытном уровне. Хищнический тип собственника существовал, конечно, и в прежней России, но все-таки перекрывался культурой. А сегодня в итоге уже почти столетнего советского воспитания мы получили уверенного себялюбивого хватателя. Всеобщее внимание к этим материальным захватчикам почти вытеснило интерес к настоящему, к культуре.

— Есть ли в Голландии интерес к русской культуре?

— Да, и огромный. Я увидел, что люди хотят с нею общаться, хотят увериться, что она не погибла, что, подобно русской культуре XIX века, может оказывать на мир свое благотворное воздействие.

Ольга МАРТЫНЕНКО